

Лакан-чревовещатель

Был ли Лакан психоаналитиком? Разумеется, да; но что значит — быть психоаналитиком? Я уже высказывал предположение, что своеобразие психоанализа заключается в том, чтобы быть всем, чем угодно, и это в высшей степени применимо к Лакану. Лаканизм представляет собой великолепную иллюстрацию оппортунистического и хамелеонского характера психоанализа. Лакан претендовал на «возврат к Фрейду», исправляя многочисленные отступления своих коллег от истинности и буквального смысла фрейдизма. Однако достаточно прочесть любое из его сочинений, чтобы убедиться в том, что его Фрейд не имеет абсолютно ничего общего с Фрейдом реальным и, более того, противоречит ему в основополагающих положениях (что не преминули, конечно же, отметить его коллеги и соперники). Фрейд был (по крайней мере на уровне своего эксплицитного дискурса) типичным позитивистом конца XIX века, тогда как Лакан презирал эмпиризм в целом. Фрейд строил свои теории на биогенетическом фундаменте, Лакан отвергал любой биологизм. Фрейд понимал нарциссизм как любовь к себе, Лакан — как отчуждение в воображаемое *alter ego*. Фрейд говорил о «неосознанных влечениях», Лакан издевался над понятием «инстинкт». Фрейд говорил об «удовлетворении сексуального влечения», Лакан утверждал, что влечение не может быть удовлетворено иначе как в неудовлетворенности, нехватке или неудаче. Фрейд говорил об «объекте» влечения, Лакан признавал его только в виде принципиально «утраченного». Фрейд видел в отцовском запрете препятствие для эдипального желания, для Лакана же Закон был его условием. И так далее и тому подобное.

Но при этом Лакан с большим апломбом утверждал, что извлек свои идеи из текстов самого Фрейда, сподвигая тем самым своих учеников на комичные поиски точных пассажей, в которых Фрейд говорит об «отказе-вытеснении» (*forclusion*), «означающем» или «объекте маленьком *a*». Они могут долго искать. Своими концептами Лакан обязан вовсе не Фрейду, а Гегелю, Кожеву, Хайдеггеру, Сартру, Бланшо, Батаю и другим. И не стоит слишком далеко искать причину его невероятного успеха во Франции (так же как и его болезненного провала в англосаксонских странах, не слишком увлеченных «континентальной

философией»). Если Лакану удалось очаровать и покорить такое количество французских интеллектуалов, то только потому, что он их обслуживал под маркой психоанализа идеями, пришедшими из философского духа их собственного времени. Поразительный трюк, от которого не все оправились и по сию пору. Лакан с его обостренным чутьем ко всему новому очень быстро понял, что у психоанализа нет ни малейшего шанса быть принятым во Франции, если тотально не обновить его философский фасад, без чего не привлечь клиентуру, воспитанную на трех «Н» — Hegel, Husserl, Heidegger — и испытывающую устойчивую аллергию на любой биологизм, позитивизм или «сциентизм».

Читая лакановские тексты 30–40-х годов, посвященные «фазе зеркала» и созданию воображаемого представления о себе, поражаешься тому, насколько они перекликаются с Гегелем: Я, конституируемое рефлексией, которое отчуждается в воображаемое alter ego и тут же вступает с ним в «борьбу за признание» и т. д. Всё это — простое переписывание гегелевской диалектики познания с элементами, почерпнутыми из детской психологии (Анри Валлон, Шарлотта Бюлер). Идея же «я как объекта» почерпнута прямо из эссе (самого по себе глубоко гегельянского) Сартра, посвященного «Трансцендентности Эго»: сознание, всегда являясь «сознанием чего-либо», может овладеть собой, только дистанцируясь от себя в застывшей форме трансцендентного эго-объекта. Очевидно, что тут нет ничего общего с наивным «нарциссизмом» Фрейда, для которого Я — это данность, некий резервуар «либидо», сначала уступленного объектам, а затем извлекаемого из них.

Та же история с текстами 50–60-х годов, в которых появляются понятия «субъект», «желание», «нехватка бытия» (*manque-à-être*), «исполненное слово» (*parole pleine*), «Символическое», «Реальное», «наслаждение» (*jouissance*). Все эти понятия восходят к философии субъекта, понятого как радикальное отрицание, которую Лакан позаимствовал, как и многие другие современники, из курса Александра Кожева по «Феноменологии духа» Гегеля, опубликованного Рэймоном Кено в 1947 году (Лакан прослушал этот курс в 30-х годах, но сумел по-настоящему воспользоваться им, по-видимому, только с момента его публикации). Это в наибольшей степени относится к лакановскому «желанию», которое не имеет ничего общего с фрейдовским «Wunsch», а является фактически переводом гегелевского «Begierde» [вожделение] — другого слова, обозначающего желание, рассмотренного и исправленного Кожевным в его комментариях к диалектике Господина и Раба. Желание, согласно Кожеву, становится человеческим, только когда отрицает себя как желание животное, биологическое (как «потребность», по Лакану) того или иного эмпирического объекта, и принимает в качестве «объекта» «не-объект»: желание другого человеческого субъекта. Человеческое желание — это желание желания другого, иными словами, это чистое, пустое желание, в котором отсутствует объект, и именно поэтому оно может проявиться и быть распознанным лишь «в борьбе не на жизнь,

а на смерть за чистое признание», когда человек подвергает свою биологическую жизнь опасности бескорыстно, «суверенно», как говорил Батай, или *ни за что*.

Эти же идеи находим у Лакана: «Желание человека — это желание Другого», желание ничто и смерти, которое ни один объект, включая объект, каковым является воображаемое Я, не способен никоим образом удовлетворить. Субъект желания (то есть просто субъект, «для себя») — это радикальное отрицание-трансценденция, постоянно отрицающее и превосходящее самое себя, как объект «в себе», «оно не является тем, что оно есть, и оно есть то, чем оно не является» (Гегель, цитируемый Кожевым и Сартром). Что касается языка, к которому Лакан все больше обращается с начала 50-х годов, перечитывая Соссюра в свете Гегеля, Кожева и Бланшо, то он представляет собой парадоксальное проявление этого отрицания: он упраздняет и «убивает» то («Реальное»), о чем говорит, включая и самого говорящего субъекта. Чем больше субъект старается высказать себя в своей истине, тем больше он терпит неудачу, промазывает и исчезает, тем больше он обнаруживает, что истина и есть этот провал. Язык — это *alêtheia* (Хайдеггер) субъекта, его бездонное появление-исчезновение: «Я истина, я говорю».

Все это (что я попытался подробно описать в своей книге о Лакане¹) само по себе не может вызывать нареканий. У меня и в мыслях нет упрекать Лакана в любви к философии и в том, что он черпал вдохновение в трудах наиболее ярких и острых мыслителей своего времени, даже если он и не был склонен указывать источники. Никто (и уж во всяком случае, не я) не может упрекнуть его и в неверности Фрейду. Напротив, его можно и нужно упрекать как раз в том, что он уверял, что верен Фрейду, и в том, что он выдавал свою пеструю философию за истину психоанализа. Действительно, одно дело — выдвигать идеи и отдавать их на оценку публики, как поступает любой философ: в этом смысле Лакан предстал бы заурядным эпигоном. Совсем другое дело — заставить вещать утробный глас бессознательного так, чтобы он изрекал тезисы, прямоком вышедшие из последней книги Хайдеггера или Бланшо: «Я истина, я говорю» и так далее. Очевидно, что эти позиции совершенно различны. В первом случае автор подписывается под собственными идеями и берет ответственность за них на себя. Во втором он занимается чревовещанием, говоря чьим-то голосом и отрицая, что он к этому причастен: это типичное поведение жреца и основателя религии.

Лакан утверждал: «Фрейд сказал нам, что...» — после чего он предлагал одну из интерпретаций собственного изготовления, чаще всего созданную под влиянием последней из существующих философий. Или же он декларировал: «Аналитическая практика учит нас тому, что...», «Каждый психоаналитик, имеющий опыт, знает, что...», — заканчивая эти фразы созданным им новым концептом, который он отправлял в мир

¹ *Lacan J. le Maître absolu.* — Paris: Flammarion, 1990.

с наименьшей легкостью, чем обыкновенное письмо. Если Фрейд вычитывал свои теории в симптомах и снах своих пациентов, то Лакан свои — в работах Кожева, Соссюра и Фреге: та же проективная спекуляция, та же склонность представлять идеи и гипотезы в виде «изученных фактов», «аналитической практики» (по крайней мере, в этом Лакан уж точно был верным учеником основоположника). И как же его слушателям не быть очарованными и покоренными, когда они обнаруживали свою любимую философию в «бессознательном», на сей раз узаконенную «психоанализом»? И как им не быть убежденными в том, что это и была наука наук, поскольку она, казалось, предвосхищала развитие новейших философских идей? «Психоанализ» становился всеобъемлющим и всепроникающим, но только потому, что Лакан начинил его всем, чем попало.

Вот что смущает, если подытожить: не то, что Лакан был философом, но то, что он это отрицал, перекраивая последние концепты под модную, влиятельную, но абсолютно мифическую «аналитическую практику». Разве стали ли бы французские интеллектуалы так дорого платить за поиск истины их желаний на его кушетке, зная они, что могут найти ту же мудрость в карманных изданиях Кожева, Хайдеггера или Бланшо?

Перевод Ольги Масловой-Вальтер